

Братья Вертинские

Наталья Шагаева

Фиктивная жена

«Литнет»

Шагаева Н.

Фиктивная жена / Н. Шагаева — «Литнет», — (Братья Вертинские)

Фиктивно жениться на девушке родного брата, для такого циника как я, не составило труда. Обстоятельства вынуждают, да и девушка тоже преследует свои цели. Но я не предполагал, что фиктивный брак перерастет в нечто большее. Разводиться и отдавать жену брату я не захочу! - Согласны ли вы, Мирон, взять в жены Милану? - Да, согласен, - твердо отвечаю, желая побыстрее закончить церемонию. - Согласны ли Вы, Милана, взять в мужа Мирона? А она молчит. Пауза затягивается. Собравшиеся начинают шептаться, а я злиться. Сильно сжимаю ее хрупкую ладонь, сдавливая до боли, подталкивая к ответу. - Да... - сдавлено произносит девочка.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	24
ГЛАВА 8	27
ГЛАВА 9	30
ГЛАВА 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фиктивная жена

Автор: Наталья Шагаева

ГЛАВА 1

Мирон

– Пойми, Мирон, это свадьба. Свадьба на сотни гостей. И вся эта публика будет рассматривать и оценивать Милану. Она не сможет! – сокрушается брат.

– Сможет! Ну, и скромная, стеснительная невеста – это даже в почете. Разве нет? – устало спрашиваю я, потирая виски. У меня голова болит не о том, и вообще сейчас не до деталей собственной свадьбы. Но, как ни крути, это гребаное представление в качестве пышной громкой свадьбы мне необходимо. Такой вот прощальный подарок от отца.

– Ладно, хорошо! – Платон нервничает. Его можно понять: моя будущая «жена» – его девушка. Но мне сейчас плевать на его законы. Я не собираюсь трогать его девочку. Мне просто нужна кукла, которая сыграет мою супругу. И так выходит, что Милана очень вписывается в главную роль такого спектакля. – А целовать ты ее как будешь?! Ведь придется!

Платон соскакивает с кресла и начинает ходить по кабинету, раздражая меня своей необоснованной ревностью.

– Сядь. Мать твою. На место. И успокойся! – холодно произношу я, выделяя каждое слово. – Не убудет с твоей девушки, если я ее поцелую.

– Ты. Не будешь. Ее. Целовать! – так же чеканит Платон, перегибается через стол, чтобы сказать мне эти слова в лицо, глядя своим волчьим взглядом. Видимо, чтобы до меня дошло. Не страшно, одной рукой ломаю малого, если захочу. Поэтому я лишь усмехаюсь, даже забавно видеть его такого влюбленного и ревнивого.

Закрываю глаза, откидываюсь в кресле, запрокидывая голову. Хочется курить, но я уже свое выкурил. Врач категорически запретил, иначе... Несмотря на то, что мне всего тридцать семь, здоровье из-за ранения подводит. Доктора говорят: надо благодарить бога за то, что жив. Мне дали второй шанс, и нужно ценить этот бесценный подарок судьбы. Моему отцу такого шанса не выпало.

Но курить все равно хочется, особенно сейчас. Закидываю в рот мятные драже, пытаюсь подавить желание закурить и обмануть организм, который привык к никотину.

– Сядь! – рываю я на брата, осаживая его. – Я не претендую на твою девочку, – произношу четко. – Подберём ей фату-вуаль, закрывающую лицо, я постараюсь имитировать поцелуи.

– Слушай, давай найдем кого-нибудь другого? Я не могу тебе ее отдать, – с горечью произносит брат. Ох уж, мне эти влюбленные молодые люди. Столько эмоций из ничего.

– Кого? Предлагай?

– Я так и не понял, почему не Вероника? И изображать ничего не нужно. А через год найдешь повод развестись или сам его создашь.

– И отдать ей половину состояния. Поверь, Ника найдет способ урвать свой кусок любыми путями. Как и сотни других подходящих женщин. Она спит и видит, как затаскать меня под венец. Я ее читаю, как раскрытую книгу. Хищниц полно. Да и не хочу я реально долгое время играть роль примерного мужа и терпеть в своей кровати одну и ту же женщину. А твоя Милана немного не от мира сего. В хорошем смысле этого слова, – добавляю, ловя свирепый взгляд брата. – Деньги, как нажива и перспектива, ее не интересуют. Ну, и ей нужна наша помощь с сестренкой. Так почему бы не сыграть на этом, и все будут довольны. А главное все останется в семье. И отцовские юристы ничего не заподозрят.

Все просто. Мне не нужна в этом деле хищница, мне нужна мышка. А «мышки» сейчас – редкость. Я бы сказал, уникальность. Одна на миллион, но я ее нашел.

Платон молчит, сжимая губы. Идёт к бару и наливает себе коньяка.

– Не рановато для спиртного? – выгибаю брови.

– А это чтобы нервы успокоить, – заявляет брат.

– Валокординчика выпей – полезнее дня нервов. И вообще, девочка не против, чего ты-то завелся? Я твой брат. Брак фиктивен. Около года она поизображает мою супругу. Поживет в нашем доме, что, в принципе, в плюс для тебя. И девочка решит свои проблемы, и мы получим свое.

– А если просто подкупить юриста? Ведь все равно все наше! – возмущённо произносит Платон.

– Ты считаешь, я не думал об этом?! Наш отец, насколько ты понимаешь, идиотом никогда не был. И поэтому его адвокат и нотариус – немцы. Неподкупные. Один из пунктов завещания гласит: если я исполню волю отца, то его адвокат получает крупное вознаграждение. Очень крупное, – у самого болит голова от этого брэнда, который придумал наш папа.

– Да сдалась ему твоя женитьба! – нервничает Платон. Развожу руками и закидываю в рот ещё одно мятное драже, чтобы подавить острую потребность в никотине. Хотя мне известны ответы. Отец очень хорошо меня знал. – Мир... – выдыхает Платон, недоговаривая.

– Ты реально завис на этой девчонке? – с интересом спрашиваю я. Нет, мой брат всегда был влюбчив. Молодость, первая любовь, первый интим, потом пошли уже девки пачками. И каждую он любил насмерть. Сейчас, к двадцати пяти годам, вроде стал серьезнее, остыл. А тут снова «люблю».

– Да, мир, но я вообще-то сам на ней жениться собирался, – с досадой заявляет Платон, залпом допивая коньяк. Реально всё серьезно.

– И чем же она тебя так зацепила? Что в ней такого, чего нет у других? – интересуюсь я. Потому что в свои годы уже не верю, что есть что-то чистое, бескорыстное и уникальное. Но рушить его иллюзию тоже не хочу, он войдёт в стадию цинизма и реализма с годами. Все приходит с опытом. Люди, к сожалению, учатся только на своих ошибках, не воспринимая чужих.

– Ну ты же ее видел...

– Да что я там видел. Девочка и девочка. Не обращал особого внимания. Не думал, что мне на ней жениться придется.

– А вот не расскажу тебе, какая она. Чтобы меньше знал, – вроде усмехается, а глаза серьезные. Ревнует все-таки, дурак.

– Платон, ты реально думаешь, что я позарюсь на девушку брата? Ты всерьёз полагаешь, что я на это способен? Я давал тебе когда-нибудь повод так про меня думать? Не доверять мне?

– Нет, конечно, – братишка немного расслабляется, покачиваясь в кресле. – Просто. Отдать свою девушку брату, пусть хоть и фиктивно... это как-то... сверх...

– Не загоняйся! Маленькие сладкие девочки не в моем вкусе. Я больше предпочитаю агрессивных хищниц. – Платон молча кивает, вздыхая. – И, кстати, завтра устроим ужин. Познакомимся. Я хочу поговорить с Миланой и обсудить детали.

– Я сам все с ней обговорю, – ревностно выдает Платон, а меня начинает утомлять и раздражать его агрессия.

– Хочешь ты этого или нет, мне придется на ней жениться и появляться в обществе, изображая любящего мужа. Я хочу поговорить с ней и понять, сможет ли она артистично мне подыгрывать, – немного повышаю тон и поддаюсь к брату, складывая руки на столе. – Уйми свои психи! Не трону я ее, Ромео! – осаживаю брата, посматривая на часы на запястье. У меня встреча с китайцами через час. Отец погиб, и все свалилось на меня. Платон ещё молод для таких дел. Арон на своей волне, он далеко не дипломат. А всех перестрелять на встрече

или заставить подписать контракт через пытки – сейчас не в моде. Поэтому так вышло, что единственный, кто может вести и развивать дело отца, это я. Но он придумал для нас задание со звёздочкой. Будь неладна эта воля отца!

– С Ароном все понятно. Ему пофигу, на ком ты женишься. А мать? Что мы ей скажем? – шепчет Платон, будто мама может нас услышать. А даже если и услышит, я сомневаюсь, что она понимает, что происходит.

– Я сомневаюсь, что она вообще заинтересуется происходящим, – выдыхаю, потирая виски.

– Доктор сказал, что ей лучше. Знаешь, она вчера со мной разговаривала.

– Как с ребёнком? – Платон кивает, отворачиваясь к окну. А я опять съедаю мятное драже, подавляя желание закурить.

Сколько бы нам лет ни было, очень тяжело и больно терять родителей. Особенно, если одного из них убили, а вторая впала в анабиоз и живёт в придуманном ею мире.

– В общем, привози нашу невесту завтра к семи вечера. И я тебя умоляю, не лапай ее прилюдно. Не компрометируй нас.

ГЛАВА 2

ГЛАВА 2

Милана

– Бабуль, мне нужно тебе кое-что сказать, – глубоко вдыхаю, собираясь с силами, не смотря бабушке в глаза. Завариваю чай с мятой, достаю варенье на меду. У бабушки особенно вкусно получается айва. Вдох-выдох, разворачиваюсь с подносом в руках, улыбаясь.

– Время пить чай? – удивлённо спрашивает она. Моя бабушка, Ульяна Леонидовна, бывший хореограф в балетной студии и немного аристократка. Она пьет чай ровно в четыре часа.

– Нет, но я прошу тебя выпить со мной.

Ставлю чашки на блюдца, чайник, две розетки с вареньем и кладу ложечки на салфетку. Вроде все правильно.

– Чай с мятой? Что-то случилось?

– Нет, но у меня для тебя новость.

Сажусь напротив бабули, расправляя плечи, держа осанку.

– Надеюсь, хорошие?

– Я тоже надеюсь, – выдыхаю. Разливаю чай, отпиваю немного, чтобы избавиться от кома в горле.

– Ну, говори уже, – строго поторапливает меня бабуля.

– Я выхожу замуж, – выпаливаю и закрываю глаза.

Тишина. Слышу, как бабушка ставит чашку на блюдце. Открываю глаза. Она смотрит на меня, прищурившись. Ох.

– Тот молодой человек сделал тебе предложение?

– Нет...

Самое сложное – объяснить, за кого я выхожу замуж, и заставить бабушку поверить, что любовь не имеет возраста и границ.

– Объяснитесь, Милана Андреевна! Вы встречались с парнем, принимали от него помощь и подарки, а замуж выходите за другого?

Если моя бабуля перешла на «вы» – дела плохи.

– Платон просто мой друг, – бессовестно лгу я, а самой хочется сквозь землю провалиться. Ненавижу лгать. Неправду всегда забываешь, и можно проколоться.

– Позволять себя обнимать и целовать – это у нас теперь просто дружба?! – бабушка повышает тон. Сглатываю. Хмурюсь, не понимая, откуда она знает. – Как-то я видела в окно, когда парень тебя провожал.

– Это было один раз, и мне не понравилось, – опускаю глаза на свою чашку с чаем. Кажется, у меня на лице написано, что я нагло лгу. Но так надо, всей правды бабушка не выдержит. А мне нужно забрать Алису любыми путями и как можно скорее. Бабуля долго молчит, вынуждая меня нервничать ещё больше и глотать все заготовленные объяснения.

– И за кого ты выходишь замуж?

– За Мирона Вертинского, старшего брата Платона, – на одном дыхании выдаю я и замираю. Категорически запретить она, конечно, мне не может. Я совершеннолетняя. Но и видеть осуждение в глазах бабушки я не хочу.

– Брата? Старшего? – уже растерянно спрашивает она. – Вертинского? – в голосе удивление. – Это сын недавно убитого главы «Севр Холдинга»? – в бабушкиных глазах паника, и я просто киваю. – Позволь спросить, а сколько лет твоему жениху?

– Тридцать семь.

- А тебе? – осуждающе.
- Скоро двадцать.
- Скоро... – цокает бабушка. Она права, двадцать мне через полгода.
- Бабуль, я все равно выйду за него замуж. Мы уже все решили, я просто хочу твоего...
- Благословения? – с недовольством заканчивает за меня бабуля. Молчу, кусая губы.

Хочется признаться ей во всем и объяснить, что все не так плохо, как может показаться на первый взгляд. А плохо будет, если я не заберу Алису. Точнее, не выкуплю ее у отчима.

Нет, с нашей мамой все хорошо. Сравнительно хорошо. Она жива и даже, наверное, счастлива в своих периодических запоях. Но мать из нее никудышная. После смерти моего отца она не придумала ничего лучше, чем найти утешение с соседом, дядей Иваром. Она даже родила ему Алису, только вот заботиться и воспитывать не захотела. Проще же напиться и свалить все на старшую дочь. Так вот Алиска мне не просто сводная сестра, она мне словно дочь. Как только мне исполнилось восемнадцать, я смогла покинуть родной дом, сбежав к бабуле, а с Алисой все сложно.

Ей всего семь лет, в любой момент ее могут забрать органы опеки, и тогда я вообще могу ее никогда не увидеть. Законы прибалтийской страны очень жестоки в этом плане. Но пока Ивару удастся их обманывать, создавая образ положительных родителей. Хотя я точно знаю, что моей сестренке там плохо. Как может быть хорошо с родителями, которые готовы продать разрешение на выезд за большие деньги?

Бабушка этого не знает. Во-первых, с Алисой она не знакома, во-вторых, по факту она не ее внучка. В-третьих, у бабули слабое сердце, и лучше ее не волновать. А мне вот уже несколько месяцев не дает покоя мысль о том, что мы с Алисой все дальше и дальше друг от друга. И может случиться так, что и вовсе никогда больше не увидимся, затерявшись в разных странах и обстоятельствах.

– Бабуль... – поднимаюсь с места, подхожу к ней сзади и обнимаю за плечи.

– Ну что «бабуль»? Не понимаю я тебя. Взрослый, серьезный мужчина может вскружить голову инфантильной девочке за пять минут?

– Неправда, я не инфантильна, – обнимаю ее еще крепче.

– Тебе девятнадцать, и ты априори инфантильна. Это нормально в твоем возрасте. Но... Хорошо. Я не ханжа и видела много счастливых браков с разницей в возрасте. Но куда спешить? Да я еще даже не знакома с этим мужчиной. Или?... – бабушка в ужасе закрывает рот рукой и разворачивается ко мне, всматриваясь в глаза. – Он тебя обесчестил?

– Ну что ты! – мотаю головой. – Нет! Он очень благородный, – лгу, поскольку сама понятия не имею, какой он. Вот Платон в этом плане тактичен и не лезет мне под юбку, поскольку я не готова пока к такому шагу. На самом деле мне девятнадцать с половиной лет, но я ужасная трусиха.

Пока не чувствую, что готова отдаться Платону. Я боюсь даже не боли, от первой близости, а боюсь того, что потом безумно влюблюсь в своего первого мужчину, а он разобьет мне сердце. Дура, конечно. Розовые очки пора снимать или разбить их к чертовой матери. Трагедии, цинизма, алчности и драмы мне хватает в реальной жизни. Могу я хотя бы мечтать о чем-то красивом, сладком и высоком. Этого у меня никто не отнимет.

– Значит так, – твердо говорит бабуля. – Никуда и никому я тебя не отдам, пока не познакомлюсь с твоим новоявленным женихом. А там посмотрим. Все. В воскресенье приглашай господина Вертинского на обед, на мой курник.

Киваю бабуле, улыбаясь, делая вид, что довольна. И тут же принимаюсь убирать со стола, пряча лицо. На самом деле мне не нравится все это представление. Я предпочла бы скрыть свой фиктивный брак от окружающих, но, к сожалению, это невозможно, и моя жизнь на некоторое время превратится в сплошной фарс и затяжную пьесу.

ГЛАВА 3

ГЛАВА 3

Мирон

– Ты притащил в наш дом эскортницу? – заглядываю в глаза Арона и понимаю, что ему вообще плевать. Он развлекается. Привлекает внимание, эпатирует, не понимаю, как назвать его поведение. Но все это порядком надоело.

– Давай называть вещи своими именами, – ухмыляется брат и демонстративно прикуривает сигарету, выпуская дым в мою сторону. – Не эскортница, а проститутка, – ухмыляется Арон и садится в кресло напротив. Поза вальяжная, ноги расставлены. Курит, хотя прекрасно знает, что я бросаю и не выношу запаха табака. Глаза черные наглые. Не похож ни на мать, ни на отца. Иногда даже закрадывается мысль, что он нам неродной, потому что отрицает все, что тесно связано с семьёй. Помимо моего брака, воля отца гласила, что все мы должны жить в одном семейном особняке, который он строил для нас. И не бросали мать. Я, как никто, поддерживаю последнее желание отца, Платон тоже ценит родной дом и семью, уважая волю отца. А вот с Ароном все сложнее. Он вне системы. Нет, в нем есть уважение к матери и братская поддержка, но... В нем словно живёт две личности. Арон немного биполярен. И темная сторона всегда доминирует.

– Я рад, что ты это понимаешь. Так какого черта ты притащил ее на семейный ужин?

– Потому что я так хочу.

– Отличный ответ! – встаю с кресла, распахиваю окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Беру лежащие на столе четки из черного камня и медленно перебираю, стараясь держать себя в руках.

– Ты называешь семейным ужином фарс, – спокойно произносит Арон. – Мать ничего не поймет, твоя невеста фиктивна, так почему я не могу внести свою лепту. Должен же я как-то себя развлекать. Ну и потом, из всех эскортниц Виолетта самая дорогая. Элитная, можно сказать. Знал бы ты, насколько она одаренная. А какой у нее умелый рот...

– Прекрати! – повышаю голос. – Все, что я делаю, я делаю и ради тебя тоже. Ради нас! Чтобы сохранить все, что принадлежит нам!

– То есть отец под старость лет сошел с ума, уверовал в силу семьи, а мы теперь должны скакать под его дудку даже после его смерти? – с недовольством произносит брат.

– У тебя есть предложения, как этого избежать? – разворачиваюсь, заглядываю брату в глаза, приподнимая брови. А он, гад, ухмыляется, потушив сигарету в пепельнице.

– Ну ты же у нас «мозг». И я ничего не имею против твоего брака. Только не нужно превращать этот цирк во что-то святое. Нет в нас тех ценностей, которые проповедовал отец, – Арон поднимается с места и идет к выходу. И он чертовски прав. Все мы здесь не ангелы и даже не демоны. Мы, скорее, волки, которые собрались в стаю ради добычи.

– Вернись! Я не договорил. Что там по Леонову? Я надеюсь, он жив и относительно здоров?

– Договорим после ужина. Там Платон уже привез твою невесту. Ничего такая малышка. Я б на ней тоже «женился» раза два-три.

– Следи за языком! – зло произношу я, смотря, как брат покидает кабинет.

Невесту, значит, привезли.

Ещё раз выдыхаю свежего, прохладного весеннего воздуха и закрываю окно. На столе вибрирует мой телефон. Вероника.

– Да.

– Приве-е-е-т, – тянет она, заигрывая. – Я в магазине белья. Нужен совет, – усмехается. – Чёрное или красное? Кружево или атлас?

– Ничего.

– Что?

– Я хочу, чтобы ты сегодня была без белья.

– Ммм, хороший совет. Учту. Во сколько тебя ждать?

– Примерно через три часа.

– Захватишь мне мое любимое шампанское?

– Закажи сама. Все, мне некогда, – скидываю звонок. Ника ещё не знает о моем предстоящем браке. Самое время сообщить.

Дергаю ворот рубашки, надеваю часы на кожаном ремешке и выхожу из кабинета знакомиться с невестой.

Пока в столовой накрывают к ужину. Все собрались в гостиной. Арон со своей гламурной девкой сидят на одном кресле. Она – как положено, а он – на подлокотнике, что-то шепчет на ухо эскортнице, на что та улыбается, прикрывая рот рукой. Вдыхаю глубже, сдерживая ругательства. Хоть бы матери постеснялся. Хотя ей все равно. Она живёт в своем мире.

Платон с Миланой – на диване. Тут все скромно, я бы даже сказал, целомудренно. Сидят как школьники, держатся за ручки. Ох, сдаётся мне, что братишка немного преувеличивает. Либо рисует в своей голове то, чего нет. Не горят зелёные глаза девушки. Не смотрит она на братишку тем взглядом, каким он на нее. Так, может, девочка не так бескорыстна и с Платоном. А только ради выгоды? Чтобы решить свои проблемы. Нет, с виду она ангел небесный: губки бантиком, бровки домиком. Такая типичная хорошая девочка. Общественность примет ее хорошо. Милана может подправить мою репутацию. Тёмно-русые волосы собраны в строгую причёску, кожа персиковая, нежная. Курносая. Утонченная. Осанка ровная. Фигура хорошая. Блузка с прозрачными рукавами, черные брюки, туфли. Слишком строгая для девятнадцатилетней девочки. Словно на собеседование пришла. Хотя так оно и есть. Строгость ей к лицу. Тянет на мою жену. Ну это внешне...

– Добрый вечер, – привлекаю к себе внимание.

Все просто кивают, поскольку с братьями мы уже виделись, а приветствие эскортницы мне ни к чему, я не рад ее присутствию. Останавливаюсь глазами на Милане, которая тихо произносит «здравствуйте», пытаюсь улыбнуться, но сильно сжимает ладонь Платона. Ой, не съем тебя, Красная Шапочка, хоть я и серый матерый волк. Тебя вон уже младший волчонок облизал с ног до головы, только ты этого почему-то не замечаешь.

– А где у вас дамская комната? – вдруг неприлично громко спрашивает девка-однодневка Арона.

– Пошли, я тебя провожу, – брат подает ей руку и уводит за собой. Милана провожает их, хмурия брови. И мне уже интересно, кем же является наша невеста. Невинная овечка или продуманная, корыстная особа, великолепно играющая роль милой дурочки. С Платоном все понятно, на его глазах пелена влюбленности. А мне нужно понять, бояться ли мне, матерому волку, Красную Шапочку и ее дровосеков или нет.

– Вина, – предлагаю я и направляюсь к бару.

– Нет, спасибо, я не пью.

– Хорошее вино – это не про выпивку, это про наслаждение вкусом.

– Мирон, Милана не пьет, – с нажимом произносит Платон.

– Да понял я, понял. Успокойся. Ну раз уж ты наш «адвокат», – иронично усмехаюсь, – то расслабь Милану и помоги воспринимать меня легче. Нам все же под венец идти.

– Если ты так хочешь расположить ее к себе, то знай: у тебя не получится, – огрызается Платон.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты дал нам пообщаться. Иначе ничего у нас не выйдет. Отпусти девочку, я ее не съем.

– Все хорошо! – Милана вдруг обретает голос и долю уверенности. Хотя все напускное, смотрит она на меня с опаской. А как же мы с тобой, маленькая, будем безумно влюбленных играть? Если ты на расстоянии меня боишься. – Я сделаю все, что нужно, – почти уверена, но взгляд все-таки отводит, не выдерживая моего.

– Я очень на это надеюсь. Давайте для начала просто поужинаем вместе, разрядим обстановку, привыкнем друг к другу, – предлагаю я. Вновь ловлю зеленые глаза. Красивая. Что-то есть в этих омутах. Что-то глубже, чем просто «милая девочка».

ГЛАВА 4

ГЛАВА 4

Милана

У братьев Вертинских огромный дом. Я, конечно, знала, что они не бедные люди, но не подозревала, что настолько. И вместо восхищения обстановкой, мне неудобно. Как-то неловко, страшно и стыдно.

Стыдно за себя и свой вид. Мне кажется, что среди этой роскоши и дороговизны я выделяюсь своей дешевизной. Моя одежда с распродажи... маникюра нет. Но больше всего напрягает взгляд будущего супруга. Глаза темные, внимательные, оценивающие, где-то даже недоверчивые.

Мирон и Платон немного похожи внешне, а вот аура у них отличается. Если с Платоном мне легко и просто, то его строгий брат никак не располагает. Он словно давит своей властью. Я его боюсь. Смотрю на человека и понимаю, что нужно обходить таких стороной, а лучше вообще никогда не встречаться.

Вроде привлекательный, харизматичный, мужественный. Брюнет с черными глазами, ухоженный и в то же время немного небрежный. Такие в кино играют главарей мафии. На нем черная идеальная рубашка, без единой складочки, но с распахнутым воротом и закатанными рукавами. И вроде бы улыбается мне, пытаюсь разрядить обстановку, но делает это холодно и надменно. Платон, он проще и теплее.

Мы словно не дома, а в ресторане или на приеме. Сидим в большой светлой столовой, за большим столом на мягких стульях с высокими спинками. На столе композиция из живых цветов, белые тарелки, идеально начищенные приборы и сверкающие бокалы. Ловлю себя на мысли, что мне неудобно. Никогда не хотела так жить. Я более приземлённая. Мне бы маленький уютный домик, круглый стол и все по-домашнему просто.

Нас обслуживает молодая девушка, подавая салат с морепродуктами.

– Если хочешь, мы уйдем, и никакой свадьбы не будет, – шепчет мне Платон, слегка поглаживая по спине, пытаюсь успокоить.

– Нет, все хорошо. Мне просто нужно привыкнуть, – тихо отвечаю ему. Мне это нужно.

– У вас прекрасный сад, – произношу я, указывая глазами на панорамное окно, которое открывает вид на ухоженные клумбы с цветами, фруктовые деревья и беседку. Это место мне нравится. – Представляю, как хорошо там летними вечерами, – пытаюсь быть раскованной.

– Это любимое место нашей мамы, – отвечает Платон.

– Очень хотела бы с ней познакомиться, – стараюсь быть вежливой, преодолеть страх и скованность. Мне, в конце концов, замуж выходить и жить в этом доме. За столом воцаряется тишина. Кусаю губы, утыкаясь в тарелку с салатом. Похоже, я сказала что-то не то. Платон говорил, что его мама болеет.

– Познакомись, – холодно отвечает Мирон, и я просто киваю.

Боже, как же сложно.

Обстановка давящая. Или мне только так кажется.

– Что за траур? Вроде с невестой знакомимся, – в столовую возвращается средний брат Арон со своей девушкой. Они садятся напротив нас с Платом, и я начинаю чувствовать себя еще более скованно. Не понимаю, что со мной. Дышу. Отпиваю воды.

«Если уж согласилась на этот фарс, то иди до конца!» – говорю себе и расправляю плечи, смело осматривая среднего брата и его девушку. Красивая. Как сейчас говорят гламурная. Иде-

альная фигура, волосы как в рекламе шампуня, блестящие, платье восхитительное. Слишком короткое, но такие длинные ноги грех скрывать. Девушка улыбается, облизывая губы, поглядывая на Арона. От них веет страстью, влечением. На идеальном белом свитере Арона следы ее помады. Сам он довольно улыбается как кот. Нет, как сытый хищник. Немного лениво, раскованно. Он больше похож на старшего брата, такая же аура власти и превосходства, только с темным азартом в глазах. Осматривает меня внимательно, не стесняясь, и подмигивает, холодно ухмыляясь.

– Ну так что, когда свадьба? – спрашивает он и начинает есть.

– Двадцать пятого, – сообщает Мирон.

– Так скоро?! – спрашиваю я, и выходит громче, чем нужно.

– Не в наших интересах тянуть. Десять дней вполне хватит на подготовку, – отрезает Мирон. Киваю. Он прав. Чем раньше мы поженимся, тем раньше я смогу забрать Алису.

– А невесту выкупать будем? – иронично спрашивает Арон. – Или какая у вас там программа?

– Арон! – громко и раздраженно рявкает Мирон, отчего я вздрагиваю. – Хватит ерничать!

– Ох, извините, барин, что мешаю вам быть такими серьезными и пугать девочку. Расслабьтесь, господа, – опять усмехается. – А то девочка не согласится на эту авантюру.

Мирон устало вздыхает и отодвигает тарелку с салатом. В столовой появляется обслуживающая нас девушка и меняет салат на красную рыбу с соусом и овощами на гриле. Пахнет превосходно, но я не решаюсь есть, когда на меня изучающе смотрят несколько пар глаз.

– Если тебе нравится сад, разрешаю устроить его, как хочешь. Садовник в твоём распоряжении. Моя жена может заниматься домом, тем более что хозяйки у нас нет, – спокойно произносит Мирон, отпивая немного вина из своего бокала. Киваю, немного расслабляясь. Беру вилку для рыбы, но тут же неуклюже ее роняю. Платон спешит ее поднять, мы с ним вместе наклоняемся. Только парень поднимает вилку, а я замечаю, как напротив нас под столом Арон гладит бедро своей девушки, задрав платье.

Быстро сажусь ровно, мне тут же меняют вилку на чистую. Невольно перевожу взгляд на парочку напротив, и Арон ухмыляется, вновь мне подмигивая, понимая, что я все видела. Краснею.

– И с мамой мы тебя тоже познакомим, – продолжает Мирон. – Но есть один нюанс. После смерти отца она не оправилась и не совсем здорова. В данный момент она в клинике.

– Все обязательно будет хорошо, медицина сейчас... – пытаюсь приободрить всех.

– Мы на это надеемся. Но, говоря о ее здоровье, я имею в виду... – Мирон не договаривает, косясь взглядом на девушку Арона. – В общем, мы немного позже введем тебя в курс дела, – а вот теперь он улыбается мне искренне. Слегка грустно, но и я открыто отвечаю ему тем же. Может, и не так все страшно.

Девушка Арона громко взвизгивает, а потом смеется.

– Мне кажется, что тебе пора проводить свою гостью, – с нажимом выговаривает Мирон, опять становясь жестким. Да, они ведут себя не очень красиво, я бы сказала развязно и неуважительно. Но вот так, почти напрямую выгонять девушку брата... Это слишком.

– Тогда я тоже откланяюсь, – иронично произносит Арон. – А вы, Милана, будьте решительнее и смелее с братьями, иначе сожрут, – вдруг советует он мне.

Арон помогает девушке подняться и тянет ее на выход.

– Мы не договорили! – почти рычит Мирон. Его агрессия направлена не на меня, а у меня мурашки по коже бегут. Слишком взрослый, властный и серьезный мужчина. Не для меня.

– Да все в порядке с твоим Лешим. Жив и пока сравнительно здоров. Работаем. Как выдаст что-то дельное, я сообщу, – небрежно кидает Арон и покидает столовую. Братья явно не очень ладят.

– О чем они говорят? – шепотом спрашиваю у Платона. На что тот просто качает головой, поглядывая на старшего брата, который устало сжимает переносицу.

– Милана, – обращается ко мне Мирон. – Давайте пред десертом поговорим в моем кабинете и обсудим детали? – предлагает он мне.

– Да, конечно, – поднимаюсь с места и иду за Мироном, а Платон за мной. Он берет мою ладонь, слегка сжимает, поддерживая.

– Платон, оставь нас наедине, – настойчиво произносит Мирон перед дверьми кабинета.

– Нет.

– Платон, не будь ребенком, мы просто поговорим, нам еще не раз придется остаться наедине! – устало отрезает Мирон, пропускает меня в кабинет, окидывает брата темным, назидательным взглядом и захлопывает перед его носом дверь. И вот мы без свидетелей, и по моей спине проходит холодок.

ГЛАВА 5

ГЛАВА 5

Мирон

– Присаживайся, – указываю мнущейся девушке на кресло, сам сажусь в соседнее. С минуту просто осматриваю ее. Забавно наблюдать за Миланой. Такая молоденькая, миленькая девочка. Страшно даже втягивать ее во все это. Ведет себя как школьница-умница-отличница. Осанка ровная, руки на коленях, блуждает взглядом по кабинету. Смотрит куда угодно, только не на меня. Улыбаюсь. Давно я не общался с такими девочками. Хотя нет никакой гарантии, что это не искусная игра. Все они сейчас «девочки», а по факту выходит... Не осуждаю никого. Кто-то зарабатывает деньги умом, кто-то – руками, кто-то – силой, а кто-то – красотой.

– У вас красивый кабинет, – вдруг произносит Милана, стараясь не смотреть мне в глаза. «Красивый». Слово-то какое подобрала.

– Красиво – это когда бантик на косичке, а мой кабинет комфортен и функционален.

– А я просто так сказала, чтобы заполнить неловкое молчание, а так мне все равно, какой у вас кабинет! – вдруг дерзко выдает она и гордо вздергивает подбородок. А характер все-таки есть. Интересно. Скучно мне в этом браке точно не будет.

– Вот, уже лучше. А то даже немного мутит от твоей вежливости и скованности, – усмехаюсь, а девочка опять смущается. Да не съем я тебя, Красная Шапочка. – Расскажи мне подробней, зачем тебе деньги?

– Чтобы забрать сестренку у родителей.

– Поясни.

– Это обязательно?

– Да.

– Хорошо, – вздыхает тяжело и отводит взгляд на окно. Профиль красивый. Носик подернутый, как у шкодной девчонки. Мне определенно достанется жена-красавица. Родинка на шее, такая выразительная, ресницы длинные. Перебирает пальчиками края блузки, ногти аккуратные, покрашенные бесцветным лаком. Если и мотивы ее чисты, то Платону повезло. Он, гадёныш, умеет выбирать девочек. На таких и правда женятся. А те, кто в моей постели, их просто имеют. В этом и отличие меня от брата. Он влюбляется сразу насмерть. А я предпочитаю свободу. И отец знал мою позицию. Поэтому и такие идиотские условия. А еще он знал, что я амбициозен, алчен и не упущу своего.

– По сути, ни моей матери, ни отчиму не нужна дочь. Раньше они получали на нее выплаты, сейчас их отменили. Они не любят ее, особо не заботятся. Воспитывала ее только я. По существу, она моя и дочь, и сестра. Они готовы мне ее отдать, только за деньги. Пятьдесят тысяч евро.

– Столько у нас стоят дети... дешево, – я не язвлю, произношу, скорее, задумчиво. Если люди, называющиеся родителями, готовы продать ребенка... Милана, хмурится и поджимает губы. – Может, тогда я просто сделаю так, чтобы их лишили родительских прав? А деньги ты оставишь себе?

– Нет, спасибо. Они граждане другой страны.

Вопросительно выгибаю брови.

– Эстония.

– А ты?

– А я гражданка России. Я родилась здесь, у меня было двойное гражданство. Отец работал в Эстонии долгое время, пока не погиб в авиакатастрофе. Летел в командировку. Мама

решила остаться там и вышла замуж. Я боюсь, что социальные службы заберут сестренку. А там с этим все строго и очень сложно... Я могу потерять ее. Родители напишут мне разрешение на выезд. А уже здесь мне понадобится ваша помощь с оформлением опеки над Алисой. Это все, что я прошу взамен. Платон сказал, что все это в ваших силах, – выпаливает она на одном дыхании и смотрит на меня с мольбой, словно я ее последняя надежда.

– Это в моих силах. Как только мы поженимся, я переведу деньги на счет. С документами тоже решим.

– Спасибо.

– Пока не за что. Ты учишься? Работаеть?

– Заочно учусь на «Туризм, гостиничное дело и сервис». Работаю в книжном магазине.

– Туризм? – поначалу было плевать, достаточно того, что она озвучила, но постепенно во мне просыпается интерес.

– Да, мечтаю открыть турагентство или небольшой гостевой дом на море. Но это так, мои фантазии. А там как получится.

– Каждая достигнутая цель начинается с мечты. А вот работу придется оставить. – Кивает, но как-то разочарованно. Интересная девочка. Если актриса, то очень хорошая. Все эмоции на лице. Читается хорошо. Может, и правда искренняя. Но проверять ее все равно начали. Завтра я узнаю про нашу невесту все, вплоть до того, какие трусики она носит. Мне не нужны сюрпризы. Да и я личность, интересующая общественность, мне не нужны потом компрометирующие заголовки статей.

– Итак, свадьба через десять дней. От тебя требуется быть красивой, покладистой и делать вид, что ты выходишь замуж по большой любви. Жить будешь здесь, в отдельной комнате. Мы будем посещать общественные мероприятия и иногда просто выходить в свет. О фиктивности нашего брака не должен знать никто. В общем, ничего сверхъестественно я не требую. Главное подыгрывай мне. Улыбайся, кивай, будь милой и поменьше болтай. Я дам тебе контакты организатора свадьбы, можешь выбрать платье, ну и все, что там тебе нужно.

– Спасибо, но не нужно. Мне неважно, какой на мне будет наряд.

– В общем-то, мне тоже. Детали свадьбы обсудим позже. За пару дней до свадьбы пере-едешь в этот дом. Все вопросы по быту – к Платону. Вроде все. Свободна. – Поднимаюсь с места, иду к рабочему столу, а потом в голову приходит сумасшедшая мысль. – Стой! – Разворачиваюсь, прислоняясь бедрами к столу. Милана оборачивается возле дверей и растерянно меня осматривает. Она словно выдохнула, а тут я ее снова напрягаю. Так не пойдет. Нам нужно разрушить этот дистанционный зажим девочки. Она должна легко мне отдаваться.

– Подойди. – Делает несколько шагов в мою сторону. – Ближе, – становится азартно. Еще пару шагов, напряженная, губы кусает, словно на казнь идет. Я такой страшный волк? Вроде еще не кусал тебя, девочка. – Небольшой тест на твой артистизм.

– Что?

– Мне нужно понимать, что ты действительно сможешь хорошо сыграть мою супругу. Так что подойди ближе, – сам хватаю ее за руку и притягиваю к себе. Она рефлексивно дергает рукой, пытаясь освободиться. А потом замирает, уголки ее розовых губ опускаются вниз, как у испуганного ребенка. Поглаживаю ее запястье и тяну еще ближе, вплотную.

– Это обязательно? – тихо спрашивает она, пытаясь отодвинуться.

– Да, – понижаю тон, поглаживая большим пальцем ее запястье. Как сильно трепещет ее пульс. Такие живые эмоции. И пахнет от нее очень тонко и сладко. Не женщиной. Девочкой. Чистой. Еще неискушенной и неразвращенной этим миром. – На свадьбе и в дальнейшем я буду прикасаться к тебе, обнимать, оказывать знаки внимания, ты должна привыкнуть, а не шарахаться от меня с ужасом в глазах. Иначе у нас ничего не выйдет. Привыкай. Положи руку мне на грудь. – Нет реакции, она словно в ступоре. Зеленые глаза раскрываются шире. Сам

тяну ее запястье и накрываю маленькой ладошкой свою грудь в районе сердца. Прижимаю, не отпуская.

Беру Милану за талию, подтягивая к себе вплотную. Вдыхаю, улыбаюсь, немного кривовато. Потому что меня забавляет эта игра. Давно я не уговаривал девочек. В моем мире все по-другому. Каждый знает, что хочет и что от него требуется.

Она пахнет букетом нежных цветов, бархатистыми магнолиями и лилиями.

– Почувствуй меня. Я живой. Меня следует уважать и слушаться, но не стоит бояться, если ты все делаешь правильно.

Девочка сглатывает. Кивает мне. И закрывает глаза, пытаясь спрятать от меня свои страх и смутнение. Ах, как вкусно ты на меня реагируешь. Черт побери, верю! Ты не хищница. Ты милая маленькая мышка. Женюсь.

Отпускаю. И ухмыляюсь, когда девушка от меня отходит как можно дальше, глотая воздух, словно не дышала.

– Отдышись, успокойся. Иначе Платон там навывдумывает себе.

Открываю ящик, надеваю часы, беру портмоне, ключи от машины. Меня ждет Ника и, видимо, скандал по поводу моей женитьбы. Тоже занимательная штука. Люблю, когда она злая. Точнее, ставить ее на место, умиряя претензии и запросы. Подогревает.

– У меня есть еще просьба, – произносит девушка.

– Слушаю.

– В воскресенье вы должны познакомиться с моей бабулей. И тоже сыграть моего жениха. Вы... Мы должны убедить ее, что брак настоящий и что это все любовь с первого взгляда.

– Нет. У меня нет на это времени. Уволь меня от ненужных знакомств.

– Тогда это мое обязательное условие! – вдруг твердо, даже в ультимативной форме заявляет Милана. Поднимаю глаза. Смелая, решительная. – Я не могу сказать ей всей правды, ее сердце этого не выдержит. Поэтому мы должны ее убедить.

– А что ты ей скажешь, когда мы разведемся?

– Пусть это вас не беспокоит! – выдает девочка и тут же тушует под моим скептическим взглядом. Смотри-ка, не мышка. Характер есть. Но как у маленького котёнка. Боится своей же смелости.

– Хорошо, котенок. Убедила.

ГЛАВА 6

ГЛАВА 6

Милана

Бабуля подготовилась принимать моего «жениха», испекла пирог. Засервировала стол своим лучшим сервизом из китайского фарфора и надела строгое платье.

– Хватит болтать по телефону, тоже переоденься! – кричит она мне.

– Хорошо, я сейчас! – отзываюсь, прикрывая телефон рукой.

– Все, Платон, мне пора.

– Ты так и не объяснила, почему я не могу присутствовать.

Вдыхаю глубже. Все это так сложно.

– Я сказала бабуле, что мы расстались. А как еще я должна была объяснить свой скорый брак?

Он молчит, но звонок не сбрасывает. И я слышу его тяжелое дыхание.

– Платон, все будет хорошо. Мне важно убедить бабулю.

– Меня ты с ней не знакомила... – произносит он, будто обиженный ребенок, и я начинаю злиться.

– Так я и замуж за тебя не выходила! Ты вроде все понимал, а сейчас ведёшь себя как ребенок. И твоя ревность неуместна! – скидываю звонок, отключая звук. Раскрываю шкаф в поисках подходящего платья. Бабушка считает, что неприлично принимать гостей в джинсах.

Выбор невелик. Либо строгое чёрное, либо персиковое с широкой юбкой в пол. Надеваю последнее. Кручусь перед зеркалом. Мне нравится, как платье на мне сидит. И распущенные волосы тут неуместны. Собираю локоны вверх, закалывая заколкой. Крашу ресницы тушью, а губы бледно-розовой помадой. Вот и все. Я очень надеюсь, что господин Вертинский меня не подведёт.

Посматриваю на часы и волнуюсь. Если он не придет, неизбежен конфликт с бабулей. А мне не хочется портить отношения с единственным родным человеком в этой стране.

Ровно шесть вечера.

Вертинского нет.

Бабушка недовольно хмурится, посматривая на часы. Она терпеть не может непунктуальных людей, особенно если это мужчина. Ибо женщина в силу своей сущности может опоздать, а мужчине этого непозволительно.

Когда раздаётся звонок, я как ненормальная подрываюсь с места и лечу к двери. Открываю, не смотря в глазок. Одновременно выдыхаю и тут же напрягаюсь. Вертинский пришел. Сбран, в идеальном тёмно-синем костюме, чёрной рубашке и идеально начищенных туфлях. От него пахнет чем-то восточным, горько-терпким, под стать Вертинскому. Позади стоит высокий худощавый мужчина в черных очках, с двумя букетами цветов.

Распахиваю двери шире, наблюдая, как Мирон забирает цветы и преступает через порог, а мужчина быстро ретируется.

– Как зовут бабушку? – тихо спрашивает он.

– Ульяна Леонидовна, – шепчу я, отступая к стене. В нашей маленькой прихожей катастрофически не хватает места. Этот мужчина занимает все пространство, давя своей темной энергетикой. – Хорошо, подыгрывай мне, – ухмыляется, словно нас ждет увлекательная игра, а не большая афера. Киваю. Мирон вручает мне букет из маленьких декоративных розовых роз. Красиво и пахнет настоящими цветами, сейчас это редкость для цветов из магазина. – Ну что

застыла? Благодарю за букет и иди ставить в вазу, – подсказывает он мне, когда мы слышим шаги бабули. Опять киваю как дура и натягиваю улыбку.

– Спасибо, – громко произношу я, стараясь изобразить восхищение, зарываюсь носом в цветы. – Очень красивые, – тут я искренняя.

– Ну раз красивые, тогда целуй, – вдруг произносит он, когда бабушка заглядывает в прихожую. Вот зачем он это делает? Достаточно было просто благодарности. Но... Подхожу к мужчине и быстро, почти не касаясь, чмокаю его в щеку. Вертинский неожиданно подхватывает меня за талию и показательно глубоко вдыхает мой запах у виска.

– Ты сегодня прекрасна, впрочем, как всегда, – произносит тихо, будто только для меня, но бабуля слышит, и я краснею.

– Спасибо, – не нахожу ничего лучшего, как сбежать на кухню в поисках вазы. Нужно было их познакомить самой. Что я делаю?!

Слышу, как они знакомятся, и бабушка приглашает Мирона в гостиную. Быстро ставлю цветы в вазу и возвращаюсь с ними в гостиную, ставя на комод.

– Ну что вы, не стоило, – произносит бабуля, принимая от Вертинского букет белых лилий.

– Согласен, эти цветы не стоят такой женщины. Вы достойны лучшего.

– Не нужно подкупать меня комплиментами, молодой человек, – строго произносит бабуля. – Я, знаете ли, давно не верю мужским словам. Только поступкам.

– И это верно, мужчину делают не слова, – уверенно произносит он.

– Мила, будь добра, поставь в воду и этот букет, – обращается ко мне бабуля, и я опять спешу на кухню. Почему-то дико волнуюсь. Сердце стучит как ненормальное, ладошки потеют, и немного потряхивает. Словно это все по-настоящему. Слышу глубокий четкий голос Вертинского, и внутри все сжимается. Ставлю чайник, чтобы заварить свежий чай. Медлю. Хочется закрыть глаза, а когда открою – все решено. Но так не бывает.

Дожидаюсь, когда закипит вода, завариваю чай в прессе и несу его в гостиную. Бабуля и Мирон сидят за столом, беседуют о погоде и о том, что прошлая весна была холоднее. Все кажется милым и спокойным. Но это обманчивое ощущение, бабуля будет нас допрашивать. Она вежлива, но смотрит на Вертинского строго.

– Милая, налей нам чай.

Беру чайник, сильно сжимаю, чтобы не было видно, как я волнуюсь. Разливаю. На чашке Вертинского моя рука соскальзывает, брызги попадают на скатерть и немного на его рубашку. Чай горячий. Кипяток.

– Ой, простите! – вырывается у меня. Ставлю чайник, хватаю салфетки. И до меня доходит, что я только что обратилась к своему жениху на «вы».

– Ничего, котенок, все хорошо, – спокойно произносит Мирон, забирает у меня салфетки и промокает чай. – Со мной все хорошо, а скатерть мы купим новую, – голос спокойный, бархатный, заботливый. Вот кто здесь хороший актёр. – Сядь, я сам налью себе чай, – берет меня за руку, сжимает ладонь, вынуждая сесть. Мужчина не выпускает моей руки, поглаживает, словно хочет успокоить. И за этим всем наблюдает бабуля, поджимая губы.

Сажусь рядом. Дышу, пытаюсь успокоиться. Вертинский демонстративно опускает наши руки на стол и играет с моим пальцами, поглаживая. У него такие горячие ладони. Сильные, но могут нести нежность, если Мирон этого хочет.

– Расскажите мне, господин Вертинский, как так случилось, что вы хотите забрать мою внучку? – спрашивает бабуля, берет тарелки, раскладывая пирог.

– Можно просто Мирон, зачем нам это официоз.

– И все же?

– Немного неправильная формулировка, я не забираю у вас внучку. Я беру ее в жены, – слегка сжимает мою руку и переводит на меня взгляд, несколько секунд смотрит в глаза.

– Вы взрослый состоявшийся мужчина, а Милана еще девочка. Зачем вам это нужно? Такая большая разница в возрасте, – спрашивает бабушка, а мужчина продолжает смотреть на меня. Глаза у него черные-черные, с блеском. Омут, а не глаза. Страшно в таких утонуть.

– Согласен с вами, – Мирон поворачивается к бабуле. – Милана, очень юна, и во мне живет много страхов, оттого что она оставит меня, когда поймет, что я слишком стар для нее. Но я буду рад прожить с ней отведенное нам время. Так случилось, сам не ожидал, что в свои годы смогу влюбиться в милую девочку, и она ответит мне взаимностью.

– Ох, сладко поете, господин Вертинский, – усмехается бабушка и подает Мирону тарелку с куском пирога. – Но только на романтика вы не похожи. Это вы Милане вливаете сироп в уши, а мне не нужно, я слишком много прожила. Может, все гораздо банальнее?

– И как же? – Вертинский выгибает брови и вновь сжимает мою руку, уже сильнее, словно ему надоели расспросы.

– Вам просто захотелось взять в жены молодую девушку и хвастаться ей в обществе. Сейчас это модно в кругу людей вроде вас. Ну и молодая жена в постели...

– Мне определенно льстит, что со мной рядом такая красивая молодая девушка. И да, горд, что она выбрала меня. Разве это плохо? Но дело не в моем статусе. Мне плевать на общественное мнение. Главное, что ваша внучка вручила мне самый ценный подарок в моей жизни, – твердо говорит он. Если бы я не знала, что это все циничная ложь, то сама бы ему поверила.

– И какой же?

– Себя, – звучит двусмысленно, и бабуля хмурится, переводя на меня строгий нарицательный взгляд. А я... А я просто киваю. Пусть уже думает, что хочет, только даст согласие на брак. – И я безмерно благодарен ей за этот подарок.

– Отчего такая скорая свадьба? Словно вы торопитесь... – задумчиво спрашивает бабуля.

– Я занятой человек, и у меня нет времени на долгие ухаживая. Но это не самое главное... – делает театральную паузу и вновь переводит на меня свой чёрный взгляд, словно заглядывает в душу и топит меня в черном омуте. Мурашки по коже. Этот мужчина может разговаривать взглядом. Стоит только узнать его, и можно все прочесть. – Главное, что я хочу как можно скорее сделать эту девочку своей по закону. Я жутко ревнив и, боюсь, такую красоту уведут. И потом, не нужно много времени для понимания того, что тебе нужен человек. Ты согласна со мной, котенок? – смотрит так, будто и правда что-то ко мне испытывает, и я сглатываю.

Боже, как же он красиво лжет. Зачем так?! Можно было отделаться простыми банальностями, а так нагло лгать, смотря пожилому человеку в глаза... «Ну, ты же сама этого хотела», – шепчет мне внутренней голос. Поэтому я засовываю свою совесть подальше и расплываюсь в улыбке, уверенно кивая.

– Не переживайте, я не обижу вашу внучку. Пока она со мной, Мила в надежных руках, – добавляет Вертинский. – А теперь извините, но я вынужден вас покинуть. Работа. Буду очень рад видеть вас на свадьбе. Спасибо за прием, – уже более официально и прохладно говорит он, поднимаясь с места. – Проводи меня, солнце, – так и не выпуская моей руки, тянет в сторону прихожей. Убеждается, что бабуля за нами не идет, и отпускает.

– Свадьба в субботу, переедешь к нам в четверг. Возьми только самое необходимое, все остальное тебе купят. И дай мне паспорт.

– Зачем?

– За тем, что у нас свадьба, и мне нужно оформить документы, – поясняет мне как маленькому ребенку. Он раздражен и даже зол. Тот, кто сидел за столом и лил сироп в уши моей бабушке, и тот, кто стоит сейчас со мной рядом, поправляя ворот рубашки, – совсем разные люди.

Просто киваю, вынимаю из сумочки паспорт и отдаю. Забирает, пряча его во внутренний карман пиджака. Вынимает телефон, набирает чей-то номер.

– Машину к подъезду! – небрежно распоряжается мужчина и выходит из квартиры, прикрывая за собой дверь. Закрываюсь на замок. Упираюсь руками в тумбу и смотрю на себя в зеркало. Красная вся, то ли от стыда, то ли от страха. Но так нужно. Стоит потерпеть ради Алисы.

ГЛАВА 7

ГЛАВА 7

Милана

Молча собираю сумку. Внимательно осматриваю вещи, выброшенные на кровать, пытаюсь сообразить, что мне действительно необходимо.

Бабуля сидит в гостиной, делая вид, что читает книгу, но на самом деле в открытую дверь комнаты наблюдает за мной с хмурым видом.

– Ты уволилась с работы? – спрашивает она, всё-таки откладывая книгу.

– Да, – закидываю в сумку косметику, стараясь не смотреть на бабулю. Мне стыдно.

– Вертинский настоял?

– Да.

– Ты пожалеешь...

– Я ничего не теряю, бросив работу продавца.

– А я не про работу. Одумайся, пока не поздно!

– Бабуль, все будет хорошо. Все уже решено.

– Дурочка ты малолетняя! – с недовольством кидает она мне. – Очаровал он тебя. Наплачешься ты с ним.

– Пусть так. Каждый имеет право на ошибки, – твердо отвечаю я.

– О боже! Я думала, ты умнее. Сними розовые очки, Милана! – уже злится бабуля. – Я понимаю, что взрослый, состоятельный мужчина, да и чего там, очень харизматичный и убедительный может вскружить голову кому угодно. Только ты летишь на огонь, на котором обожжешься. Ожоги лечатся, оставляя рубцы. Но можно и вовсе сгореть. Он же себе не жену берет, а красивую куклу для статуса! Будет вертеть тобой как хочет. Даже если ваш брак продлится долго, он вытянет из тебя всю энергию... Или ты на деньги его польстилась?! Так знай, деньги счастья не приносят, а как раз наоборот делают людей алчными, циничными и жестокими! А я чувствую, что Вертинский именно такой!

Дышу глубже. Возможно, Вертинский и правда такой. Только мне все равно. Он не герой моего романа. Но, к сожалению, бабуле я этого объяснить не смогу.

Закрываю сумку. Осматриваю комнату. Вроде все. Собираю разбросанные вещи, наводя порядок. Читаю сообщение от Платона о том, что он ждет меня внизу. Становится тоскливо. Вот так оставлять бабушку с ложью. Послезавтра я стану женой Мирона Вертинского. А через год – разведенной женщиной.

– Бабулечка, – подхожу к ней сзади, наклоняюсь, обнимаю, повисая на шее. – У меня правда все будет хорошо. Я буду тебя навещать. Если это ошибка, то я должна ее совершить. Разве не ты говорила, что лучше сожалеть о том, что было, чем о том, чего не было.

– Иногда стоит прислушаться к опыту других, – вздыхает она и поглаживает мои руки.

– Опыт – это когда все проживаешь сама.

– Не плачь потом мне! – строго сообщает бабуля, но сжимает мои руки.

– Хорошо, – целую ее в щеку и бегу за сумкой.

Платон встречает меня в подъезде, забирая сумку. Улыбается, но как-то грустно. Иногда мне кажется, что, предлагая эту авантюру, где-то в глубине души он надеялся, что я откажусь. А я не могла упустить такого шанса. Заработать столько денег просто нереально, а время идет...

– Это все вещи? Сумка легкая, – констатирует парень, когда мы спускаемся вниз.

– Мирон сказал не брать много вещей.

– Мало ли что сказал Мирон, – цокает Платон. – Можешь взять все, что захочешь.

– Мне достаточно.

– Слушай, ты не должна его беспрекословно слушаться. Достаточно играть его жену на публике.

Нервный. Дёргает дверь не в ту сторону. Злится, почти вылетая на улицу. Пока он открывает багажник, укладывая мою сумку, я сама сажусь на переднее сидение и пристегиваюсь.

Платон садится за руль, молча заводит двигатель и выезжает со двора. Обычно он целует меня при встрече, а потом болтает без умолку, смешивает меня, или расспрашивает о том, как прошел день. А сейчас молча сводит брови и сжимает руль. Я прямо чувствую, как в его голове творится хаос.

– Останови, пожалуйста, у кафетерия, – прошу я.

Тормозит, паркуясь.

– Кофе хочешь? Латте с карамелью? – берет портмоне, собираясь выйти.

– Нет, сиди здесь. Я скоро, – не дожидаясь его реакции, выхожу из машины.

Сама покупаю нам два стаканчика кофе: мне – с карамелью, Платону – с миндальным сиропом, как он любит. Возвращаюсь в машину и с улыбкой протягиваю ему напиток.

– Мила, – выдыхает, улыбаясь. – Я и сам купил бы кофе. В нашей семье не принято, чтобы женщина платила.

– Я не могу сделать ничего значимого для тебя. И мне очень приятно угостить тебя кофе, – отвечаю я, на что Платон усмехается, делая глоток. – Подожди, не трогайся с места, давай поговорим, – прошу я.

– Ну давай, – разворачивается ко мне, тянет руку и заправляет за ухо выпавшую из моего хвоста прядь волос. В машине Платона всегда пахнет мятой, бергамотом – приятно, свежо.

– Объясни, почему ты злишься?

– Я не злюсь.

– Нервничаешь.

– Есть немного... Но знаешь, не каждый день отдаешь девушку замуж, – невесело ухмыляется, проходясь рукой по своим непослушным волосам.

– Платон, ты же все понимаешь... И сам это мне предложил. За что я тебе благодарна. Не заставляй меня чувствовать себя неудобно, мне и так дико волнительно. И я тоже не каждый день выхожу замуж по расчету. Поэтому, пожалуйста, не нагнетай еще больше. Я еду жить в чужой дом, где единственный знакомый мне человек – это ты, – выдаю на одном дыхании.

– Просто... – задумывается. – Ты знаешь, что очень мне нравишься. Ты, наверное, первая девушка, на которой я так залип. Мы знаем друг друга уже полгода, но ты держишь меня на расстоянии. А Миرون, он и спрашивать не будет... Он будет играть на публику и много себе позволять. Да, я понимаю, что это все ради общего блага... Я пытаюсь себя в этом как-то убедить, но выходит плохо. Если бы я чувствовал от тебя отдачу и что-то глубже, то был бы увереннее... – не договаривает. – Да ладно, не бери в голову, я попытаюсь сам справиться с эмоциями. Все правильно.

Платон с минуту смотрит мне в глаза, видимо, ожидая каких-то слов или действий, а я теряюсь. Он ставит кофе на подставку, заводит двигатель и выезжает на трассу.

Всю дорогу мы снова молчим. Снять между нами напряжение не получилось. Похоже, стало только хуже. Он прав. Я не даю должной отдачи его чувствам. Нет, мы целовались, обнимались, много беседовали, узнавая друг друга. Платон симпатичный, веселый и очень добрый парень с правильным мышлением и ориентирами в жизни. Он мне нравится. Правда, нравится. Но есть определенный барьер, который я почему-то не могу с ним перешагнуть. Мне приятны его комплименты, касания и ухаживания. Но к большему пока не готова. Нужно время. Я долго привыкаю к людям. И проживание в одном доме нас должно сблизить.

Ворота распахиваются автоматически, как только мы подъезжаем к особняку Вертинских. Дух захватывает от красоты и величия. Зеленый газон, ровные дорожки, огромная тер-

раса с плетеной мебелью. Аккуратные клумбы с яркими цветами и огромный, величественный дом, отделанный белым камнем. На ближайший год данное место станет моим домом. В это сложно поверить и принять. Но все новое поначалу пугает. Привыкну.

Платон паркуется в гараже, где уже стоят несколько машин и даже огромный навороченный мотоцикл. Платон помогает мне выйти, вытягивая из машины за руку, но так и не отпускает. Поглаживает ладонь, рассматривая мои пальцы.

– Ты прости... я немного импульсивен.

– Тебе не за что просить прощения. Ты даже прав. Я понимаю... – сжимаю его ладонь.

– Хорошо, – улыбается, перехватывает меня за талию, прижимает к себе, вдыхает запах моих волос, начиная дышать глубже. Наклоняется к моим губам, касается, но не целует, словно ждет первого шага от меня. И я пытаюсь...

– Вы бы не афишировали, – слышу позади себя хриплую усмешку. Отстраняюсь, оборачиваясь. Арон. На мужчине рваные джинсы, белая футболка в обтяжку, в руках тонкая кожаная куртка, а на ногах массивные, похожие на армейские, ботинки. Шуруется, насмешливо на нас посматривая, но в глазах такая же черная бездна, как и у Мирона. Очень похожий темный взгляд. – А то у стен тоже есть уши и глаза. И полетит ваша афера к чертовой матери, – иронично произносит, словно не имеет к этой семье отношения, и идет к мотоциклу, надевая куртку и черные очки.

– Так говоришь, будто это только нам нужно! – огрызается Платон, не прекращая меня обнимать.

– Так оно и есть, малой, – ухмыляется Арон и садится на мотоцикл.

– Не называй меня так! – опять нервничает Платон.

– Малой?! – специально переспрашивает. Как дети. Усмехаюсь. И Платон злится еще больше. – Расслабься, Платон, девочке весело, – подмигивает мне и заводит мотоцикл.

– Пошли! – Платон перекрикивает рев мотора мотоцикла, достаёт мою сумку из багажника и тянет меня на выход из гаража.

– Он всегда такой? – интересуюсь я.

– Какой? Пофигист?

– Ну, можно и так сказать.

– Да всегда. Арон вне системы. Иногда мне кажется, что у него цель идти в противоположную сторону. Он своего рода социопат. Бунтарь. Сколько себя помню, он воевал с отцом. Огребал от него по полной, но воспитанию не поддавался. Отец ужасно бесился. Даже отдавал его в военную академию, чтобы приучить к дисциплине и уважению правил. Но оттуда Арон вернулся еще более дерзким и неуправляемым. Такой характер.

– Ясно, – киваю и вдруг замечаю в беседке сада женщину. Она сидит в плетеном кресле и вяжет. Волосы с легкой сединой, уложены в строгую прическу, немного бледная. Но приятная, ухоженная, в белом кардигане и стильных брюках.

– Это мама, – на выдохе произносит Платон. – Ее вчера выписали из клиники, – в голосе подавленность и какая-то безысходность. – Пошли, я тебя с ней познакомлю, – тянет меня к беседке. – Только она немного не в себе.

– Что это значит?

– Сейчас поймешь. Не пытайся убедить ее в обратном. Соглашайся с ней, иначе ей станет хуже.

– Да, о чем ты говоришь? – начинаю волноваться.

ГЛАВА 8

ГЛАВА 8

Милана

– Мам, доброе утро, – здоровается Платон, ставя мою сумку на пол. Женщина отрывается от вязания и поднимает на нас глаза. Такие светлые, когда-то голубые, а сейчас тусклые, словно подернуты дымкой. Я не знаю, сколько ей лет, выглядит она очень уставшей от жизни. Но улыбка добрая, яркая.

– Платоша. – Сын тянется к матери, целуя ее в щеку, немного обнимая. – Ты уже нагулялся? – спрашивает немного наивно, словно разговаривает с малышом, на что тот кивает, сильнее сжимая мою руку. – А кого ты там к нам привел? – рассматривает меня внимательно, но продолжает добродушно улыбаться. – Какая красивая девочка. Как тебя зовут?

– Милана. Очень приятно познакомиться, – протягиваю женщине руку.

– Какая воспитанная. Ты наша новая соседка? Где твои родители? – пожимает мою ладонь, и меня очень смущает то, что она разговаривает с нами как с детьми.

– Нет, я не...

– Да, мама, это новая соседка, – перебивает меня Платон. – Ее родители не против, что она у нас.

– Вот и хорошо. Хотите кушать? Пойдемте, я вас накормлю, пока отец на обед не приехал, – женщина начинает торопливо складывать пряжу в корзину. А у меня округляются глаза. Насколько я знаю, их отец погиб.

– Нет, мам, мы не голодны.

– Опять наелись сладкого? – строго спрашивает. Платон кивает, неохотно улыбаясь, а у меня в груди все сжимается. То есть эта женщина живет в прошлом времени и всех воспринимает как маленьких детей? – А Мироша где? Опять гуляет с теми хулиганами?

– Я не знаю, мам.

– Ну ладно, идите поиграйте тогда. Угости девочку фруктами.

– Хорошо, мам, – кивает Платон, подхватывает мою сумку и ведет в дом. А я все оглядываюсь на женщину, и становится не по себе. Она улыбается и что-то говорит в воздух.

– Ты не бойся, она безобидная. Просто нужно с ней соглашаться.

– А что будет, если ей сказать, что вы уже не дети и...

– Даже не думай! – резко обрывает меня парень. – Арон уже сорвался недавно, пытался ее просветить. Итог: несколько месяцев в клинике.

– Когда это с ней случилось?

– После смерти отца... она сначала ушла в себя, а потом однажды проснулась утром и решила, что живет в прошлом, где мы дети, Мирон подросток, а отец жив. Любое отрицание вызывает в ней страшные приступы истерики.

– Мне так жаль, – искренне произношу я, когда мы проходим в дом.

– Всем нам жаль, но... – Платон не договаривает, потому что к нам выходит женщина лет пятидесяти.

– Знакомься, Мила, это Людмила Владимировна. Можно просто тетя Люда. Можно же? – хитро спрашивает женщину в простом платье и фартуке в ромашку.

– Конечно, можно, – улыбается она, рассматривая меня. – Иди показывай девочке комнату, там все приготовили, Мирон Яковлевич распорядился. Как разместитесь, спускайтесь в столовую. Накормлю вас. Хоть будет кого кормить, а то все такие занятые, – деловито цокает

женщина, но по-доброму. Она похожа на мою бабушку. – Я пойду, с Марией немного посижу, – кивает в сторону сада, где сидит мама братьев.

Женщина выходит во двор, а мы поднимаемся наверх. Платон показывает двери в комнаты Мирона, Арона и в свою – как раз напротив моей, в конце коридора. Моя комната оказывается огромной. Большая кровать с высокой мягкой спинкой, множество подушек, пушистый ковер, светлые тона, воздушные шторы. Пара больших кресел, встроенный шкаф; туалетный столик, по бокам которого два зеркала размером почти во всю стену, а посередине третье – небольшое, круглое, с подсветкой. Высокий потолок с множеством софитов и собственный балкон. Красиво, лаконично и даже уютно.

– Нравится? – усмехается Платон – видимо, я раскрыла рот.

– Да, очень, – киваю, а Платон подходит вплотную и обхватывает меня за талию, притягивая к себе. – Ты такая... такая... Невозможно тебя не касаться, – шепчет он мне и тянется к губам. Закрываю глаза, пытаюсь расслабиться и принять его поцелуй.

Есть еще одна причина выстроенной мной границы между нами. Я ничего не испытываю, когда он меня целует. Нет, мне не противно, но и нет никаких эмоций. Теплые губы, приятный запах – и все... А в голове – что угодно, кроме Платона и самого поцелуя.

– Ладно, малышка, – шепчет мне в губы, немного сильнее сжимая руки на талии, – располагайся и спускайся в столовую. Пообедаем.

Киваю. Трудно строить отношения, когда совсем не до личной жизни.

День прошел спокойно. В доме тишина. Мамы Платона я больше не видела. Домработница сказала, что она отдыхает, а Платон объяснил, что выписанные его маме препараты делают ее слабой, и женщину постоянно клонит в сон.

Мне показывали дом, рассказывали, как все устроено и то, что я имею право распоряжаться прислугой. Это, конечно, приятно, что я на что-то имею права. Но «распоряжаться прислугой» – это слишком. Я как-нибудь сама.

Платона слишком много. Он не отходит от меня. Но в большом незнакомом доме это даже к лучшему. С Платоном не страшно, даже весело, и кажется, что все будет легче, чем я сама себе нагнетаю.

Кажется...

Пока не появляется Мирон.

И иллюзия лёгкости растворяется, заполняя пространство гостиной тягучим восточным ароматом. Мирон выключает телевизор, не спрашивая нашего разрешения, хотя мы смотрели сериал. Снимает пиджак и садится в кресло. Усталый, осматривает нас лениво, склоняя голову набок.

– И тебе добрый вечер, – недовольно произносит Платон, подтягивая меня за талию к себе, словно пытается отгородить от брата. – Мы вообще-то смотрели телевизор.

– Позже досмотрите, – спокойно и устало произносит мужчина. – Свадьба послезавтра, поговорить нужно.

У меня голые ноги, я в джинсовых шортах и в широкой футболке. Почти чувствую, как взгляд Мирона скользит по моей ноге. Он глубоко втягивает воздух и закрывает глаза, а когда открывает, смотрит уже мне в лицо. И неизвестно, что хуже, ведь его глаза топят меня в своем омуте. И это неприятно, мурашки по коже, и хочется немедленно сбежать в свою комнату. А самое странное, что, несмотря на близость Платона, я не чувствую защиты. Давление и величие Мирона гораздо сильнее. Он кажется недостижимым и всемогущим по сравнению с Платоном. Из тех, кого следует уважать и бояться.

Мирон вынимает из кармана черную бархатную коробочку, открывает ее, демонстрируя нам пару обручальных колец. Женское – изящное, с россыпью сверкающих камушков. А мужское – строгое, из черного и белого золота.

– Примерь свое, – небрежно говорит он, ставя коробочку на журнальный столик. – С размером могли и не угадать.

Отрываюсь от Платона. Сажусь ровно. С минуту просто рассматриваю кольца. Красивые. Есть в обручальных кольцах что-то интимное. Но я решительно вынимаю кольцо и надеваю его на безымянный палец. Подходит. Идеально по размеру. Рассматриваю. Потом понимаю, что увлеклась, и быстро снимаю, возвращая кольцо в коробочку.

– Завтра придет стилист. Примерка платья и всего прочего, – сообщает мне Мирон. – Что ещё? – задумывается, трет лицо. – У нас выездная регистрация на берегу озера. Там же и разместят шатры. Будет немного публики, но все будут тебя разглядывать. Некоторые – для того, чтобы увидеть, на ком же все-таки женился холостяк Вертинский. Некоторые – с завистью, но мне на них плевать, не обращай внимания. Наоборот, по возможности неси себя гордо. Не теряйся при общении. Помни, я рядом, и бояться тебе нечего. Можешь даже огрызаться и показывать, кто здесь королева. Увереннее, Милана. Но главное не бойся меня и принимай все, что я делаю как должное.

– А ты сильно не наглей, – вмешивается Платон. – Необязательно откровенно афишировать отношения.

– Позволь мне решать, что нам можно, а что нет! – недовольно произносит старший брат, смерив Платона черным тяжёлым взглядом.

– А ты... – Платон пытается что-то сказать, но Мирон останавливает его взмахом руки и поднимается с кресла.

– Я все сказал! Оставь свои ревностные психи при себе и переживи их самостоятельно. Слишком много поставлено на кон, и мне некогда успокаивать твои истерики. Завтра меня не будет целый день. Доброй ночи, Милана, – кивает мне, берет пиджак и поднимается вверх.

ГЛАВА 9

ГЛАВА 9

Милана

День свадьбы. Мне должно быть все равно. Но я волнуюсь так, словно выхожу замуж раз и навсегда, и назад дороги не будет. Вокруг меня кружат визажист и парикмахер. Они все появились откуда не возьмись и взяли меня в плен прямо в моей комнате, превратив ее в гримерную. Моего мнения по поводу прически и макияжа никто не спрашивает, вертят как куклу, что-то рисуя на моем лице.

Я не завтракала, от волнения сводит желудок. Понемногу пью воду из бутылочки и глубоко дышу. Погода как назло хорошая, просто прекрасная. Солнечно, пахнет цветами и теплом. Не так я мечтала выйти замуж. Ох, я вообще ещё не мечтала о замужестве. У меня и парня нормального не было. Учеба, сестренка – все мысли о том, как вырваться от матери, отчима, о том, как забрать Алису и сделать все законно. Потом учеба, работа.

Мы познакомились с Платоном в книжном магазине, в котором я работала. И как-то все закрутилось. Добрый, смешной, настойчивый парень. Сначала дружили, потом... да что потом... Это он пытается вывести нас из «френдзоны», а я не могу перешагнуть некий барьер. И ведь все в Платоне хорошо. Может, это мне пока ничего не нужно? Или я и вовсе не способна на настоящие чувства – пока не поняла.

Платон уже два раза пытался пробиться ко мне в комнату, но его не пустили. За бабулей должны были поехать и доставить ее до места регистрации. Она – это все гости с моей стороны, подругами я ещё особо не успела обзавестись, да и если бы они были, я бы никого не хотела видеть на этом фарсе.

– Все! – хлопает в ладоши мой стилист. Парень лет двадцати пяти, который знает о макияже, причёсках и стиле в сто раз больше, чем я. – Посмотри, какая ты у нас красавица. Можно фото для моего портфолио? Ты у меня самая обворожительная невеста, – просит он, смотря на меня умоляюще. Киваю. Пусть хоть кто-то порадует.

Меня фотографируют в анфас и профиль. И я даже пытаюсь изобразить улыбку.

А потом приносят платье...

Мамочки! Ну нельзя же в таком выходить замуж понарошку. Кто бы его ни выбирал, оно великолепно. Это платье просто создано для настоящей невесты и искренних эмоций. В таких нужно выходить замуж раз и навсегда.

Спина открытая, верх расшит жемчугом. Низ не пышный, но воздушный. И длинная фата, до пола. Когда мне помогают одеться и закрепляют фату в причёску, я понимаю, что есть еще и вуаль.

Стилист, суется вокруг меня, показывает, как ее нужно накидывать на лицо и откидывать назад. А я не могу ни вдохнуть ни выдохнуть. Я не узнаю себя. Невеста, смотрящая на меня в зеркало, необыкновенная. Никогда не чувствовала себя настолько красивой. Стилист не переборщил и не сделал из меня куклу. Макияж естественный, лишь слегка подчёркивающий губы и глаза. Прическа и платье придают моему образу нежности, воздушности, невинности и чистоты.

– Я смотрю, у тебя нет слов? – с гордостью произносит стилист. Киваю, медленно поворачиваясь и рассматривая себя со всех сторон. – Сама нежность и юность. Ты олицетворение красоты и чистоты. Все как спросил господин Вертинский. Надеюсь, ему тоже понравится.

– Он так просил? – удивленно спрашиваю я.

– Да. Ох, мы забыли подвязку, – парень начинает суетиться, вынимая из бумажного пакета кружевную подвязку.

– Зачем? Это тоже просил господин Вертинский?

– Нет, но он скажет мне спасибо. У каждой невесты должна быть подвязка, – хитро произносит парень, ведя бровями.

– Да не нужна мне никакая подвязка! – категорично произношу.

– А она и не для тебя, – продолжает настаивать парень. Хмурюсь. Наверное, слишком подозрительно, что влюбленная невеста отказывается от подвязки.

– Хорошо, давайте! Но я сама ее надену! – выхватываю подвязку, сажусь на стул, задираю юбку и быстро натягиваю кружевное безобразие.

Одергиваю юбку и иду к окну вдохнуть свежего воздуха. Бодрости и настроения нет. Хочется прилечь, закрыть глаза, на несколько минут расслабиться и выдохнуть. Но при всем параде боюсь даже присесть.

Выпиваю еще несколько глотков воды, подавляя легкую тошноту. Нужно было поесть с утра. В команду опять врывается Платон, уже одетый в белую рубашку и стильный неклассический костюм. Он приносит букет. Красивый, аккуратный, небольшой букет-невесты из белых и розовых пионов, перевязанных белой лентой.

– Ну все, время, – произносит мой стилист. – Еще раз поздравляю.

Парень быстро собирает свой чемоданчик, а Платон застывает в дверях, осматривая меня. На его лице нет эмоций. Никаких. Он словно надел маску, пряча за ней что-то нехорошее.

Хочется выставить руки вперед, защищаясь от его взгляда, и сказать, чтобы он не начинал давить на меня и нагнетать. Мне и так волнительно и не по себе.

Это всего лишь свадьба, а не пытка, но у меня никак не получается расслабиться и начать воспринимать все проще. А всему причина – мое внутреннее состояние. Снаружи я держу лицо, стараясь выглядеть если не счастливой, то хотя бы уверенной.

Стилист покидает комнату, Платон закрывает за ним дверь и отдает мне букет. Молчим. Такая давящая тишина.

– А может... – наконец начинает Платон и нервно проводит по волосам. – К черту этот фарс, свадьбу, наследство? – вполне серьезно произносит он. – Мирон выкрутится. Полюбому! – его эмоции вырываются наружу. Он делает пару шагов ко мне, слатывает и замирает, словно боится подойти ближе. Внимательно осматривает мой свадебный наряд. – Может, уедем подальше отсюда? К черту их всех! Я найду деньги!

– Где? – вполне спокойно спрашиваю.

– Да какая разница где? Найду и все! – качает головой, начиная нервничать. – Мне кажется, мы допускаем ошибку. Я допускаю, отдавая тебя ему! Не нужно мне было это все... – его голос срывается. И я тоже начинаю злиться.

– Послушай меня! – немного резко выдаю я, и Платон заглядывает мне в глаза. Отходит от меня, ложится спиной на стену, словно не может стоять. – Во-первых, я не хочу уезжать. Это глупо. Здесь у меня учеба, бабушка и хоть какая-то перспектива. Во-вторых, у меня очень мало времени, и деньги мне нужны как можно скорее. В-третьих, даже если предположить, что мы найдем деньги, кто нам быстро оформит документы на Алису? Это незаконно, и таких связей нет ни у тебя, ни у меня. Да и денег на тоже нет. И так нечестно по отношению к Мирону и твоей семье, мы договорились, а теперь сбежим. Ты сможешь так поступить? – Платон молчит, мотает головой и закрывает глаза. Беру бутылочку, допиваю воду. Заглядываю в зеркало, поправляю фату, пытаюсь улыбнуться и как можно естественнее отрепетировать счастье. – Ну и потом, принимая от тебя деньги, я останусь тебе должна, а я не готова собирать долги, мне нечем их отдавать, – говоря про «долги» я имею в виду даже не деньги. Не хочется быть ему обязанной. Ведь Платон вкладывает в свои поступки что-то интимное, а я не уверена, что готова отдать ему себя из благодарности.

– А Мирону ты не будешь должна? – уже язвительно спрашивает он, отталкиваясь от стены.

– Нет, мою роль и плату мы обговорили.

Платон еще что-то хочет сказать, идет на меня, но я обрываю его, отходя назад.

– Хватит! Я и так нервничаю. Прекрати нагнетать! Поехали. Время! – Обхожу парня и выхожу в коридор. Мирона нет дома. Мы едем к месту регистрации по-отдельности, и Платон должен меня туда довезти.

Медленно спускаюсь вниз. Останавливаюсь в холле в ожидании Платона.

– Какая у нас красивая невеста, – ко мне подходит тетя Люда, улыбается по-доброму, рассматривая меня. – Глаз не оторвать.

– Спасибо. А вы не едете на свадьбу?

– Нет, – отмахивается женщина. – Арон уже звал меня в качестве его спутницы. Шутит, конечно, засранец. Но я с Марией останусь. Мы на вашу настоящую свадьбу придем.

Киваю, вздыхая, смотря, как Платон все же спускается.

– Поехали, – уже вполне спокойно говорит он, берет за руку и выводит на улицу, где нас ожидает белая машина представительского класса. Платон помогает мне сесть и расправить платье, а сам садится рядом с водителем и всю дорогу до места регистрации молчит. Ну и пусть, это к лучшему. Потому что поддержки я от него больше не ощущаю.

ГЛАВА 10

ГЛАВА 10

Мирон

Брак фиктивен. По сути, я свободный человек и в скором времени разведусь. Но при виде свадебной арки на берегу озера, гостей, шатров, украшений из белых цветов, круглых столов с белоснежными скатертями и прочего, внутри что-то сжимается. Неприятно. Словно и правда лишаю себя свободы и отдаю все свое внимание и мысли только одной женщине. Девочке. Я не был женат. И никогда туда не спешил. Не то, чтобы не попадались достойные женщины. Разные были, и некоторые занимали внутри меня определенное место – те, с кем был искренен или только ради секса. Но ни на одной из них я не хотел жениться. Мысль о браке не то чтобы пугала, просто ни с одной из этих женщин я себя не видел в будущем. Всех только эпизодами.

– И как ощущения? – интересуется Арон, ухмыляясь, выпускает струйки табачного дыма в небо.

– Должны быть какие-то определенные эмоции? – выгибаю брови, поправляя ворот белой рубашки.

– Ну, а как же волнение, сомнения, трепет, ты без пяти минут женатый человек, – усмехается гад. Арон в своем стиле. В брюках, белой рубашке, начищенных туфлях, но с перекинутыми через плечи кожаными ремнями, стилизованными под ремни для ношения оружия. И его неизменная циничная ухмылочка. Он словно сторонний наблюдатель. Смотрит на наше представление в ожидании, чем это все закончится.

– Смешно, – ухмыляюсь я. – Не кури, – отмахиваюсь от дыма.

– Ой, да покури ты уже, успокой нервы, – брат протягивает мне пачку сигарет.

– Нет. Я бросил.

– Хочешь умереть здоровым? – усмехается и демонстративно глубоко затягивается.

– Скорее, тренирую силу воли и характер. Сказал, бросил – значит, бросил. А расслабляться я умею по-другому.

– Ой, какие мы правильные, вдруг стали, – уже язвительно произносит Арон. Заглядываю ему в глаза... Цепляемся взглядами, Арон сжимает челюсть.

– Иногда мне кажется, что ты не на моей стороне, – понижая тон, говорю ему в лицо. – А мне бы очень не хотелось разочаровываться в брате. Если не доверять тебе, тогда кому?

– Я за тебя, – отвечает Арон, так же понижая тон, выдерживая мой взгляд. – Но я за тебя как за брата. А вот эти танцы вокруг воли отца и больших денег мне не особо интересны. Он манипулирует нами даже после смерти.

– Думаешь, я этого не понимаю? – ухмыляюсь. – Только я его переиграю. Хочу сохранить то, что принадлежит нашей семье.

– Удачи, Мир, – отводит взгляд, тушит в пепельнице давно истлевшую сигарету и отходит от меня на пару шагов. – Разве я не помогаю тебе решать проблемы?

– Помогает. Но ты еще тот засранец, – усмехаюсь. Арон не был бы собой, если бы принял все правила и играл по сценарию. Он отвечает мне театральный поклон.

– Кстати, Леонов все подписал. Завод твой, – так беспечно кидает он мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.